

**О тенях идей,
сообщающих искусство изыскания, нахождения, суждения, упорядоченного
рассмотрения и устремления к внутреннему записыванию**

Джордано Бруно Ноланец

Аннотация: Статья предлагает читателю первый перевод с латинского на русский язык трактата «О тенях идей» Джордано Бруно, являющегося своеобразным предисловием к другому его трактату – «Об искусстве памяти». Всего Д. Бруно было написано четыре трактата об искусстве памяти (все на латинском языке). Это ранние трактаты Бруно «О тенях идей» («De umbris idearum»), «Искусство памяти» («Ars Memoriae»), Песнь Цирцеи («Cantus Circaeus») и «Искусство припоминания – 30 печатей» («Ars Reminiscendi – Triginta Sigilli»). Первые три работы были написаны в 1582 году, последняя – в 1583 г. Все эти работы относятся к так называемым "герметическим" сочинениям (от имени бога Гермеса Трисмегиста ("трижды великого")), считающегося основателем традиции данных текстов). В трактате поднимаются такие фундаментальные проблемы, как проблема припоминания, проблема памяти как таковой, проблема субъекта памяти и припоминания, проблемы создания эффективной мнемонической техники, и т.п.

Ключевые слова: искусство памяти, память, сознание, мнемоника, о тенях идей, Джордано Бруно, субъект, познание, идеи

перевод с латинского, предисловие и комментарии: Л.И Титлин

Данная статья предлагает читателю первый перевод с латинского на русский язык трактата «О тенях идей» Джордано Бруно, являющегося своеобразным предисловием к другому его трактату – «Об искусстве памяти».

Джордано Бруно (1548 – 1600) – крупнейший философ эпохи позднего Возрождения. Всего Д. Бруно было написано четыре трактата об искусстве памяти (все на латинском языке). Это ранние трактаты Бруно «О тенях идей» («De umbris idearum»), «Искусство памяти» («Ars Memoriae»), Песнь Цирцеи («Cantus Circaeus») и «Искусство припоминания – 30 печатей» («Ars Reminiscendi – Triginta Sigilli»). Первые три работы были написаны в 1582 году, последняя – в 1583 г. Все эти работы относятся к так называемым "герметическим" сочинениям (от имени бога Гермеса Трисмегиста ("трижды великого")), считающегося основателем традиции данных текстов).

Эти работы Джордано Бруно до сих пор не переведены на русский язык и, следовательно, не освоены российской наукой.

В настоящее время мы сталкиваемся с появлением первых переводов на европейские языки (английский, итальянский) некоторых из перечисленных работ. Так, только два трактата Бруно переведены на английский язык: это работы «О тенях идей» («De umbris idearum») и «Искусство памяти» («Ars Memoriae»): De Umbris Idearum: On the Shadows of Ideas. 2013. by Giordano Bruno (Author), Scott Gosnell (Translator). Однако качество этих переводов может иметь разве что вспомогательную функцию и очевидно не подходит для серьезного

философского исследования. В связи с этим мы предлагаем обратиться к переводу непосредственно с оригинального латинского текста.

Половина сочинений Дж. Бруно остается по-прежнему не переведенной ни на один европейский язык. В настоящее время нам известно лишь две обзорных монографии по данной теме: F.Yates. *Giordano Bruno and the hermetic tradition*. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1964. Книга была переведена на русский язык: Фрэнсис Йейтс. *Джордано Бруно и герметическая традиция*. Перевод Г.Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000 и F.Yates. *The Art of Memory*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. Книга была переведена на русский язык: Френсис Йейтс. *Искусство памяти*. Перевел Е.Малышкин. СПб.: Университетская книга, 1997.

Исследование данных трактатов Бруно представляется в современном состоянии мировой науки весьма актуальным в связи с их полной неисследованностью в российской науке и малоисследованностью в зарубежной науке.

В трактатах поднимаются такие фундаментальные проблемы, как проблема припоминания, проблема памяти как таковой, проблема субъекта памяти и припоминания, проблемы создания эффективной мнемонической техники, и т.п.

Проблема памяти – одна из ключевых философских проблем. Наиболее ранние попытки решения этой проблемы мы находим в индийской философии древности и средневековья (теория смрити в брахманизме и буддизме, теория алая-виджняны в буддизме).

Древнегреческая философия также не обошла стороной проблему памяти. Так, Платон считал любое познание припоминанием (анамнесис). Аристотель был автором трактата «О памяти и припоминании», Плотин – «Об ощущении и памяти».

Еще в Древней Греции появились первые теории мнемотехники. Согласно преданию, первая мнемотехника была изобретена поэтом Симонидом, который использовал принцип упорядочивания информации для запоминания при помощи мест (*loci*). Один из самых известных древних методов мнемотехники принадлежит Цицерону. Метод Цицерона основывался на естественных ассоциациях, то есть на связях, которые образовались в мозге естественным путем при регулярном восприятии зрительных образов.

Во времена поздней античности и Средневековья мнемонические техники передавались в трактатах под именем легендарного бога Гермеса Трисмегиста («Трижды великого»).

Эпоха Возрождения аккумулировала древние знания, переданные под именем Гермеса Трисмегиста и создало новую науку о памяти, тесно связанную с магией и алхимическими преобразованиями. К проблеме памяти в разное время обращались такие знаменитые философы, как Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Корнелий Агриппа, Альберт Великий, Раймонд Луллий.

Перевод, представленный в этой статье, выполнен по изданию: *Jordanus Bruno Nalanus. De umbris idearum. Editio nova. Curavit Salvator Tugini. Berolini 1868. Apud E.S. Mittlerum & filium, bibliopolas curiae regalis.*

Джордано Бруно Ноланец

О тенях идей,

**сообщающих искусство изыскания, нахождения, суждения, упорядоченного рассмотрения
и устремления к внутреннему записыванию**

Провозглашение

Мы — глубокие тени, вы не разгоните нас, глупые,
не вас, но обученных столь значительный ищет труд.

Филофей¹ Джордано Бруно Ноланец

Другу и усердному читателю

Есть на высоком Хиосе

Дианы лик,

Который печальным кажется входящим в храм,

А выходящим — веселым.

И писание Пифагора,

Соделанное двойственной способностью различения,

Им грозный лик правого пути открывает,

Конец же дарует наилучший.

1 Букв. «боголюбец».

Теней, которые из глубинных
Сумерек появились,
В конце принимаемые с благодарностью возникнут
Ныне слишком недоступные, и лик и писание.

Мерлин-мастер

Есть тот, кто изобразил куриных галлов,
Который, будучи в высшей степени разумным,
Чтобы таким образом не с таким трудом могли бы постичь,
Безгодные писания безгодного автора:
Прислужников распределил и дружков,
Через которых хочет прочь прогнать естественников

Хотя ты и знаешь это, бойся,
В то время как, истинный галл, ты стремишься к изображенным,
Которые заставляют удивляться внимательных:
Да не огорчишься, прогнанный безгодным слугой.

Мерлину, трезвому судье

Есть река во Фригии, называемая Галл,
Которая, если выпьешь из нее умеренно,
Исцеляет болезни тела.

Если же глотнешь немеренно,
Она тебя поглотит,

Вплоть до того, что испустишь дух,
Больше уже не выпьешь.

Вот также писания мудрости, слегка затронутые,
Способствуют гражданской жизни
И весьма услаждают.

Если же напьешься чрезмерно,
То тебя приведут в смятение
и ввергнут в безумие
Или же в головокружительную славу.

Итак, хотя до сих пор ты, пожалуй, был соделан разумным,
Да не подвергнешься такому ущербу,
По решению учителей.
Мудрость желательно лишь дегустировать
Лишь прикосаться губами
И обонять ноздрями.

Вследствие этого я заявляю, что ты не хорошо делаешь,
Когда сюда, будучи судьей, спешишь,
Чтобы таким образом потрясти ушки Мидаса.

Мерлину, подобающему судье

Бывает, что собака принимается пахать,
Что хочет верблюд достичь звезд,
Что землеройка переплывает реку, таща на себе лягушку,

Что, медлительные, спешат на охоту ослы,
Что кукушка нападает на волков, чтобы их поймать,
Бывает, что страстно желают летать свиньи,
Есть нечто, по природе плохо пригодное.

Не есть ведь, о Органет, это порок искусства
Или приглашающего к отыскиванию,
Или к совершению вылавливания рыб,
Или к переплыванию воздуха пригодными крыльями,
Или обучающего охотиться или ловить птиц.

Если вы чувствуете, что вы готовы к рассказыванию
И в высшей степени готовы к летанию, ловле рыб, охоте и ловле птиц
И поэтому не отсюда рыдания:
Я, пожалуй, соглашусь с вами,
Соглашающимися с тем, что вы вступаете в лабиринт без нити.

Филофея Джордано Бруно Ноланца

Предварительный апологетический диалог в защиту теней идей для самонахождения памяти

Собеседники

Гермес, Филотим², Логифер³

ГЕРМЕС.

Начни же, беспристрастный, да не будешь в неведении относительно того же солнца и того же искусства.

То же солнце дела этого обнаруживает к славе, деяния же того – к поношению.

Грустят при его присутствии ночные совы, жаба, василиск, одинокий филин, ночная ведьма и мистерии Плутона, ликуют же петух, феникс, гусь, лебедь, орел, рысь, овен и лев.

2 Букв. «любящий славу».

3 Букв. «несущий слово».

Благодаря его восходу творцы теней сгоняются в логова, человек же и животные выходят из роцц на дело свое. Этих приглашает к труду, тех понуждает к покою.

К нему обращаются люпин и подсолнечник, от него же отворачиваются травы и ночные цветы.

Поднимает разрыхленные влаги в образ тучи, низвергает же на землю сгущенные в воду.

Одним постоянный и непрерывный уделяет свет, другим чередующийся.

Здесь интеллект безошибочный учит, что оно покоится, чувство же обманчивое убеждает, что оно движется.

Здесь встает для этой открытой части вращающейся Земли, одновременно заходит для иначе расположенной. Оно же горизонты, которые называют северными, через различия правого и левого, очевидно, обходит, многим же другим кажется, что обходит высший и нижний свод. Здесь кажется большим для земли, имеющей высоту своей окружности, имеющей же нижнее положение (т.к. от него более удаленной) — меньшим. В одних частях полуокружностей медленно, в других же быстро удаляется. Здесь земле, прилегающей к югу более северным, к северу же спешащей — более южным делается. По этой причине затем имеющим прямой горизонт широту получает в равные чаши весов, имеющим же наклонный — в неравные. Оно же внутри двух срединных параллелей этой глыбы населяющим промежуток уделяет всегда равные свету сумерки, другим же в определенное время. К нему если божественная земля, своей поверхностью нас кормящая, устремила бы наш лоб, боковые его лучи нам вымолят, тем же, которых макушку головы, пожалуй, подставит — прямые.

К нему также некоторые приближенные тела мира (которые многие считают одушевленными и богами вторичными под одним главой) от рассвета его или апогея (как его называют) свет получают, другим же, имеющим его напротив, или средними (как говорят) долготами или интервалами. Его же всего луна (которую большинство философов считают за другую землю) на своем обращенном к нему полушарии собирая обильный свет, эта печальная вставлением того шара демонстрирует теневой лик луны, обращенный к нему противоположным полушарием.

Одно и то же, итак, солнце, вечно постоянное и пребывающее, одним и другим так или иначе расположенным одним становится или другим.

Мы, пожалуй, считаем, что оно становится не иначе как этим солнечным искусством для одних и других то таким, то иным.

Филотим. Что это, Гермес, что ты обсуждаешь сам с собой? Какую же книгу ты держишь в руках?

Гермес. О тенях идей для внутреннего записывания собрана книга, о которой я нахожусь в недоумении, должна ли она обнаружиться или в тех же потемках, в которых она давно пребывает, следует ее навеки сохранить.

Филотим. Почему это?

Гермес. Т.к. (как говорят) творец этого [искусства] выражает себя в знаке, в который не одного рода вооруженные целятся стрельцы.

Филотим. Если же этого всем должно будет бояться и остерегаться, никто никогда не исследует достойные дела, ничто хорошее, а также выдающееся никогда не обнаружится к обозрению. Не перестает провидение богов (сказали египетские жрецы) во всякие установленные времена отправлять людям неких меркуриев, даже если предвидят, что они

будут в наименьшей степени или плохо приняты. Не перестает разум, а также это чувственное солнце всегда светить по той причине, что не всегда и не все обращаем [к нему] душу.

Логифер. Легко, пожалуй, согласимся с теми, которые считают, что вещи этого рода наименее всего должны быть распространены: я слышу, что Филотим сомневается относительно этого дела, который, если воспринял бы ушами то, что мы восприняли, скорее бросил бы это [сочинение] на сожжение огню, чем заботился бы об обнародовании, это ведь своему преподавателю не только бы не принесло приятной жатвы, теперь не знаю, что же будет, на что он мог бы надеяться в будущем, кроме ведь очень немногих, которые могут постичь это самостоятельно, правильное суждение о самих же [себе] в наименьшей степени смогут сделать.

Филотим. Слышишь, что он говорит?

Гермес. Слышу, но чтобы я больше услышал, обсуждайте между собой.

Филотим. Итак, я рассужу тебя с Логифером и, во-первых, пожалуй, скажу то, что сказанное тобой не имеет никакого удостоверения, что скорее нить твоего рассуждения могла бы подкрепить противоположное мнение. Те ведь немногие, которые могли бы достичь понимания этого открытия, из числа которых мы с Гермесом, должны восхвалить не умеренными похвалами, те же, которые в наименьшей степени его постигнут, ни хвалить не смогут, ни порицать его.

Логифер. Ты говоришь то, что должно быть, а не то, что будет, есть или было. Многие, когда не понимают, по той самой причине, что не понимают, кроме того и от негодующего духа, коим побуждаются, многую клевету против самого автора и искусства нагромождают. Не слышал ли ты собственными ушами доктора Бобуса, который заявил, что искусство памяти есть ни что иное, как то, что может сравниться лишь с тем, что благодаря обыкновению и частому повторению проявлений становится видимым благодаря частому посещению и воспринимается ушами благодаря частому слышанию.

Филотим. Если у него был бы хвост, то это была бы обезьяна.

Логифер. Что ответишь ты учителю Адхоку, который тех, кто кроме обыкновенных действий совершают действия памяти, считает магами или одержимыми духами или мужами некого вида этого рода? Видишь, сколь выжил он из ума в своих сочинениях!

Филотим. Я не сомневаюсь, что он – внук того осла, который ради спасения вида был в Ноевом ковчеге спасен.

Логифер. И учитель Рокк, верховный учитель искусств и медицины, который предпочитает эмпирическое [искусство памяти] теоретическому, полагает, что это скорее вздор, чем искусные учения.

Филотим. [Он] не более, чем дурак.

Логифер. Один из древних учителей сказал, что это искусство не может быть доступно всем, кроме тех, у которых от природы хорошая память.

Филотим. Вздорная мысль!

Логифер. Фарфакон, доктор обеих областей права и ученый философ, считает, что это искусство скорее отягощает, чем облегчает, ведь без искусства должны припоминаться вещи, вместе же с искусством мы должны еще запоминать вещи, места и многочисленные образы, которыми, ни у кого не вызывает сомнения, естественная память [еще] больше приводится в беспорядок и запутывается.

Филотим. Острые и мнение Хризиппа должны быть расчесаны железным и замечательным гребнем.

Логифер. Доктор Берлинг сказал, из мнения его даже учнейшие ничего не могут извлечь, т.к. он и сам ничего не извлек.

Филотим. За теми плодами каштана есть ли что-нибудь каштановое?

Логифер. Учитель Майнес говорит: даже если бы [это искусство] всем нравилось, мне ни за что не понравится.

Филотим. И вино, которое он никогда не попробует.

Логифер. Тот, кого ты считаешь своим другом, что, ты полагаешь, будет считать об этом деле?

Филотим. Черная краска чернил, добавленная к светильнику, заставляет людей выглядеть эфиопами, также и опороченный завистью ум оценивает как безобразное то что очевидно является красивым.

Логифер. Говорят, что даже выдающийся учитель Скоппет, безусловно, глава среди медиков нашего времени, сказал автору, чтобы свою память ему продемонстрировал прежде искусства, в отношении чего сомнительно – то ли презирая, то ли будучи не в силах он (т.е. автор. – Л.Т.) не захотел обнаружить [память].

Филотим. Если, пожалуй, скажет ему: продемонстрируй мне свою мочу прежде, чем увижу более твердые экскременты, пожалуй, наш автор, конечно же, поступит в угодку ему гостеприимнее и любезнее, и более подобающе своему достоинству, своему долгу и искусству его примет.

Логифер. Что мы скажем об учителе Клистере, докторе медицины, нельзя, чтобы он ушел от только что сказанного, ведь ничто же не отличается от того же, кто из [учений] Акнальда и Тиберида больше хочет помимо забывчивого получающему данную накрепчайшую память сравнить с языком удода.

Филотим. Аристотель сказал, что кифаред получается благодаря игре на кифаре. Если кто этому несчастному (у которого заранее извлекли прежний) другой разум даст, пожалуй, благодаря медицинской практике получится врач.

Логифер. Говорит также доктор Карпофорус из [сочинений] Прокула и итакского Сабина, что местоположение ума и памяти различается как тройственное.

Ведь между затылком и передней частью [черепа] есть срединная шишка, которая, когда память усиленно занимаемся припоминанием, расширяется и от затылка к передней части [черепа] осуществляет восхождение жизненного духа. В свою очередь, никогда жизненный дух, не будучи спокойным, ясным и просветленным, переходит, поэтому, ослабленный чрезмерным холодом, он делает нашу память вялой и ленивой. Который же холод если был бы соединен с сухостью, принес бы неумеренное бодрствование и бессонницу, если с влажностью – сонливость. Для возбуждения их благодаря искусству выдуманное следующее: упражнение, вновь пробуждающее и возбуждающее чувства, и безрассудство замаранного духа и умеренное соединение, словно бы пробуждающее усыпленных бездельем, прогнанная грусть и радость, вновь призванная наслаждением, очищение всех движений тела, гребнем из слоновой кости и шершавым лоскутом натирание головы, употребление легких или разбавленных водой вин, да не вены, жаждущие вина обожгут пылкостью кровь; сдерживание желудка искусственно или естественно вяжущими субстанциями, да испарение из желудка испаряющееся из-за вскипания пищи, ум и способности затемняющее, не вызовет сон; воздержание от холодных и влажных

яств, как в роде рыб, головного мозга и костного мозга, не менее, чем от острых и пахучих пореев, редек, чесноков, луков, которые не были бы разварены огнем, использование ароматических субстанций, натираание головы и ног вместе с кипячением воды, в которой мелисса, лавровый лист, фенхели, ромашки, камыши и подобное кипели бы, пифагорическое упражнение, которое бы совершалось в ночных сумерках, т.к. оно в высшей степени содействует памяти, уму и прирожденным способностям. Это то, что может облегчить память, и то, что Демокрит, Архиген, Александр и Андроник-перипатетик передали памятникам литературы, а не эти вздорные искусства, которые, не знаю, какими образами и фигурами хвалятся, что делают память крепкой.

Филотим. Чужую речь он заключил собственным ослиным криком; почтенный доктор поступил как попугай и осел.

Логифер. Учитель Арнофагус, сведующий в законе и праве и весьма признанный, сказал, что есть весьма многие ученые, которые не имеют этого опыта, но имели бы, если бы он существовал.

Филотим. Младенческий разум до сих пор не прорезывается, поэтому мы не побуждаем к разбию зубу.

Логифер. Ученейший богослов и утонченнейший патриарх литературы учитель Психотей заявляет, что он увидел искусство Туллия, Фомы, Альберта, Алулида и других темных авторов и из них не смог извлечь никакого сока.

Филотим. Суждение юнца.

Логифер. И чтобы одним словом наконец все охватить, разные [люди] по-разному считают, разные разное говорят, сколько голов – столько и мнений.

Филотим. И столько голосов. Здесь каркают вороны, кукуют кукушки, воют волки, хрюкают свиньи, блеют овцы, мычат быки, ржут лошади, реют ослы. Позорно, говорит Аристотель, волноваться, когда отвечаешь всякому вопрошающему; быки мычат вслед за быками, лошади за лошадьми, ослы за осликами; нам необходимо посредством беседы относительно некоторого [предмета] исследовать открытие этого человека.

Логифер. Правильно. Итак, да будет угодно Гермесу открыть книгу, чтобы мы рассмотрели мнения самого автора.

Гермес. Охотно исполню. Вот, читаю введение труда.

«Никто (говорит), я полагаю, не скрывает, что многие искусства памяти, созданные другими, из которых все и каждые [искусства], всецело пользующиеся теми же правилами, в той же трудности весьма часто пребывают: относительно этого дела вместе с нами посовещались и решили, что лучше мы представим плоды этого открытия, посредством которых сильнее, легче и удобнее дело столь ясное пусть рассматривается для того, чтобы тем более желательно было следовать искусству».

«Продолжительное упражнение в древних учениях посредством исследования в результате следования им и занятию труднее рассеивает счастливейшие врожденные способности: меньше ведь длительность и (чтобы яснее вникнуть в дело) больше нетерпение, больше которого утонченные и готовые врожденные способности [тех], некоторые из которых решаются больше касаться всего, чем постигать одно».

Филотим. Что мне приходится по вкусу относительно этого автора, так это то, что не делает себя одним из толпы тех, которые мнения других отсюда и оттуда собирают, ради

последующего великого бессмертия причисляют себя к числу других авторов, трудящихся ради потомков, и так как по большей части получают доктора из тех, которые вовсе не имеют никакого понимания и разума, и они часто ничего не могут сделать, как только (если только они уже присвоили себе шкуру льва из открытий других) в конце концов чаще завладеть собственным голосом, когда нечто из хромой доблести их извергают (потому что легко ее прибавить к открытиям) или изливают чувства о недостатках глупца.

Логифер. Не думаешь также о песнописцах и стихоплетах наших, которые чужими открытиями, полустигиями и стихами выдают себя нам в качестве самостоятельных поэтов?

Филотим. Оставь поэтов, т.к. мы ведь знаем, что у царей длинные руки в отношении мест, так и высокие и долгие в отношении мест и времен у поэтов имеют обыкновение быть голоса.

Логифер. О стихоплетах я сказал, а не о поэтах.

Филотим. Хорошо, итак, немногие или никто не подумает, что сказано про него. Но какое имеют отношение эти вопросы к нашему делу? Достаточно того, что в замысле авторов этого искусства будет достигнуто.

Логифер. Не о поэтах.

Филотим. Но продолжим же начинание. Читай, пожалуйста.

ГЕРМЕС.

«Далее, говорит, когда направлю дух мой к оказанию услуги некоторым моим друзьям, после других различного рода искусств памяти, которые от своего имени разным мы направили и равным образом различные пути другим в соответствии с их достоинством, а также пониманием сообщили, его (искусство. — *Л.Т.*) из достоинства принципов, которые содержатся в нем, для всех других предпочитаемое и из взятого мы использовали, которое не должно ни кем менее цениться. В котором, бесспорно, легкое мастерство и науку для дела наименее трудозатратную обещаю, книгу поистине со своими мнениями для всех наименее доступную против обычая тех, которые книги об этом искусстве легкие и краткие, само же искусство сообщают в качестве трудного и пространныго: его из просвещенных немногие постигли бы, понимающим же всем с использованием придет, и было бы таким, которое все или непросвещенные, или просвещенные могли бы легко узнать и практиковать, и которое без учителя, лишь в метафизических и учениях платоников хорошо обученные могли бы постичь: имеет это искусство это, т.к. вместе с тем, что заключается в крутых границах и ценимых ниже умозрительных способностей, сможет однако всякому (если только не будут людьми совершенно тупых врожденных способностей) обнаруживаться, содержит ведь в высшей степени надежные границы и в высшей степени приспособленные к выражению вещей».

«Это искусство способствует не простому искусству памяти, но и к открытию многих способностей путь открывает и начинает. Поэтому пусть помнят те, которым будет дано воспринять более внутренние [части] этого [искусства], что ради величия его не всякому без разбора [его следует] сообщать, и его правила только тем, которым оно должно быть сообщено в соответствии со способностью достойных вмещать, пусть щедро раздают раскрытые [правила] напряженнее и непринужденнее».

«Сверх этого пусть постигнут те, в руки которых попадет это искусство, что у нас нет прирожденных способностей к нему, чтобы мы не были связаны определенным родом чужой философии, когда будем преодолевать всякий путь философствования в целом. Мы не преувеличиваем [значение] никого ведь из тех, которые, для рассмотрения вещей опираясь на собственные врожденные способности, благодаря методу приводят в движение нечто. Не отменяем мистерии пифагорейцев, не презираем веру платоников, и насколько действительно

являются основанием случайно постигнутые выводы перипатетиков, мы не смотрим с презрением. Это по той причине мы говорим, чтобы старание тех умалить, которые своими собственными врожденными способностями хотят оценить чужие способности, и какого рода есть тот несчастливый род, который хотя бы дольше над наилучшими философами трудился, тем самым к своему собственному духу [их] не приблизил, чтобы не до самого конца, будучи лишенным собственных врожденных способностей, всегда пользовался чужими, которому [роду], однако, больше чем этим, которые, не зная собственной бедности, дерзают на то, на что не должно дерзать, должно сострадать и отчасти (если не бывает из-за нерадения) должно хвалить.

Эти и подобные когда будут преисполнены аристотелевским духом (чтобы можно было увидеть вещающие и прогрессивные книги), где услышав или прочтя [название] «О тенях идей» уже последуют за словом, говоря, что идеи являются сновидениями или небылицами. Что если будет, соглашаемся, спрашивается, что из вещей природы составляется, о чем подобающим образом будет сказано, что оно пребывает под тенями идей? Напротив, там, где вторгаются в место рассуждения души, о Джордано! (говорят), что душа ткет или прядет. Сходным образом и другие некоторые, надувающие щеки из-за внутреннего некоего врага, от участия в плоде этого учения отвращаются. Тем, которым мы хотим, чтобы это было продемонстрировано, также и мы на них же, когда меньше понимаем, обращаем душу, тогда ведь (как подобало) с верой будем пользоваться приобретенными науками, ныне поистине, где милостью вышних и открытиями для более отдаленных собственных дел можем пользоваться без справедливого признака противоречия, если удобен платонический термин и намерение удобно, да будет принято, если также намерения перипатетиков к большему выражению дела в этом искусстве способствуют, честно допускаются.

О других путь будет вынесено такое суждение. Не находим ведь одного творца, который все необходимое одному открывал бы. Не один и тот же, я говорю, шлем, щит, меч, копья, знамена, бубен, трубу и другое всё снаряжение соберет и приготовит. Таким образом для пробующих большие дела других открытий школы одного Аристотеля или одного Платона не будет достаточно. Всякий раз также (что само по себе редко) если, как нам покажется, вы не имеете привычки пользоваться терминами, это происходит по той причине, что непривычные идеи через них стремимся выразить.

В общем же смысле мы пользуемся различными учениями разных философов, дабы лучше мы могли вникнуть в основное положение нашего открытия. Поэтому нет ничего, что бы препятствовало, чтобы опытные в этих родах философствования самостоятельно легко (если только обратят душу) это и другие искусства наши были бы в силах постичь».

«Это искусство излагаем под двоякой формой и двояким путем: из которых один выше и общий то для упорядочивания всех действий души, то также есть глава многих методов, которыми словно различными органами может быть исследована и обнаружена искусная память, и состоит сама, во-первых, из тридцати основоположений теней, во-вторых, из тридцати представлений идей, в-третьих, во множестве совокупностей, которые могут происходить из основоположений и представлений через усердное приспособление элементов первого колеса к элементам второго. Другое, которое следует, есть более ограниченное для определенного рода через искусство приготовления памяти».

ТРИДЦАТЬ ТЕНЕЙ ИДЕЙ

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ. А.

Итак, с благословения единственного Бога, и с благосклонности богов, великих под самым высочайшим главой, начинаем так.

Проникающий в совершенство человека и достижение лучшего, что в этом мире могло бы существовать, наимудрейший из всех евреев, подругу свою так говорящую представляет: «Под тенью того, кого я возжелала, села».

Ведь не такова эта наша природа, чтобы сообразно своей способности само поле истины обрабатывала; сказано же ведь: «Совершенная суета – всякий человек живущий» и то, что истинно и благо, единственное есть и первое. Кто же может возникнуть, чтобы само бытие его не было бы подлинно истинным и суть его не была бы подлинно истиной, [при этом] эффективность и действие имел бы истины? Достаточно, следовательно, ей и даже много, чтобы под тенями блага и истины сидела бы. Не говорю под тенью истины и блага естественного и рационального (это ведь ложно говорилось и неправильно), но метафизического, идеального и сверхсущностного, откуда сопричастная благу и истине в соответствии со своей способностью делается душа, которая хотя и так много не имела бы, чтобы быть его образом, однако для образа его служит, в то время как открытое святилище самой души, тьмой ограниченное самого тела, испытывает в уме человека нечто из образа, т.к. имеет близость к нему, в чувствах же внутренних и в разуме, в которых мы существуем, живя подобно животным, саму тень.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ. В.

Когда бы ты рассмотрел само это, также хотел бы я, чтобы пришло тебе то, чтобы ты от основания тьмы отличал бы тень. Не есть тень тьмы, но или след тьмы во свете, или след света во тьме, или причастное свету и тьме, или составленное из света и тьмы, или смешанное из света и тьмы, или среднее между светом и тьмой и от обоих отличное. И это, пожалуй, происходит или оттого, что истина не полна света, или оттого, что свет ложен, или оттого, что она (т.е. тень. – *Л.Т.*) и не истинная и не ложная, но того, что истинно существует или ложно, след, и т.д. Пусть будет же в качестве основного положения, что [тьень – это] след света, причастное свету, не полный свет.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ. С.

Далее, когда будет достигнуто двоякое понимание света и в области субстанции и в области тех, которые рядом с субстанцией, или находятся в субстанции (откуда соответственно двоякая противоположность начинается тени), тебе следует помнить, что свет, который вокруг субстанции, подобно ее совершеннейшему следу, от света, который называется первым действием, возникает, тень же, которая вокруг субстанции, от тени, которая из субстанции, как ее называют, проистекает. Она сама есть первый субъект, который наши физики называют первой материей, всё, причастное ей, хотя не воспринимает чистый свет, говорится, что под тенью света существует и действует.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. D.

Следовательно, не упускай, что, т.к. тень имеет нечто от света и нечто от тени, оказывается, что кто-либо есть под двоякой тенью: тень, очевидно, тьмы и (как говорят) смерти, что бывает, когда высшие силы увядают и отдыхают, или прислуживают низшим, т.к. дух вокруг жизни только телесной пребывает и чувства; и тень света, что бывает, когда низшие силы при содействии высших к вечным и более явным объектам устремляются, как открывается пребывающему в небесах тому, кто духом побуждения плоти подавляет. То бывает, [когда]

тень тяготеет к мраку, это бывает, [когда] тень тяготеет к свету. На границе же света и тьмы ничто иное не можем постигать, кроме тени. Она на границе блага и зла, истины и лжи, она есть само, которое может становиться добрым и злым, становиться ложным и облекаться в истину, и которое, стремясь сюда, под тенью этого, туда же, под тенью того говорится, что есть.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ. Е.

Рассмотрим в предварительном обзоре эти тени, которые суть объекты желаний и познавательной способности, представленные под видом истины и блага, которые постепенно от того сверхсущностного единства нисходят, через растущее множество в бесконечное множество (как по обычаю пифагорейцев, пожалуй, скажу) продвигаются, которые насколько от единства отступают, настолько от самой также истины удаляются. Происходит ведь эманация от самого сверхсущественного к сущностям, от сущностей к тем самым, которые существуют, от этих к их следам, образам, подобиям и теням, то по направлению к материи, чтобы возникали в ее лоне, то в сторону чувства и разума, чтобы через их способность распознавались.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ. F.

Тень в материи, или в природе, в самих [этих] природных, в чувстве внутреннем и внешнем, а именно в движении и изменении заключается. [И] в интеллекте же, и когда память следует за интеллектом, есть как бы в покое. Поэтому тот знающий воительницу сверхприродную и сверхчувственную, словно последующую известность, под тенью того первого – истины и блага желаемого – сидящую представляет. Которое пребывание или покой, потому что в живущих природно не много длится (сейчас ведь и тотчас эти чувства на нас набрасываются и нас повергают, и сами наши вожди, представления, нас, осаждая, соблазняют), скорее прошедшим совершенным или незаконченным временем, словно настоящим временем обозначается. Говорит ведь: под тенью я села, или сидела.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ. G.

Поскольку во всех вещах есть порядок и соединение, чтобы нижние средних и средние высших могли бы достигать тел, составные с простыми, простые с более простыми объединялись бы, материальные с духовными, духовные прямо к нематериальным льнули, чтобы единым было тело всего Сущего, один строй, одно управление, одно происхождение, одно завершение, одно начало, один конец; и так как (чтобы знали принципы платоников), возможен непрерывный переход от света к тьме (поскольку некоторые из умов через обращение к материи и отвращение от действия подпадут под власть природы и рока): ничто не препятствует, чтобы к звуку всеобщей кифары Аполлона к высшим постепенно обращались нижние, и нижние через средние восходили бы к природе высших, точно так же и известно чувству, что земля в воду, вода в воздух, воздух в огонь разрезается, подобно тому как огонь в воздух, воздух в воду, вода в землю уплотняется. Так вообще мы видим в тех, которые изменяются, что движение покоем и покой движением часто заканчиваются. Что и на самом небе всегда есть и возникает некоторые из перипатетиков рассмотрели; всякий раз когда ведь говорят, что само [небо] имеет действие, соединенное с потенцией (хотя бы были и другие основания этого соединения) имеют в виду, что его движение есть в конце [по направлению] к прошлому и в начале к будущему. Всякое нисхождение, следовательно, есть другого вида, о котором рассудительность теологов полагает: к тому всеми силами нам должно направляться, чтобы, имея перед глазами школу природы для выдающихся действий духа, всегда от движения и множественности к покою и единству через внутренние действия продвигаться, направим все свои усилия на то, что, когда для способности поставили бы впереди, для способности также божественными чудесными деяниями укрепимся для множества. К самому [высшему] ранее отмеченная связь вещей и последовательность соединенных [выводов] нас да укрепит и ободрит. Знала же и учила древность, каким образом может продвигаться рассуждение человека от многих

индивидов к виду, от многих видов к единому роду восходя, сверх того, каким образом самые низшие из познаний через все формы может познавать виды отчетливо, более низкие [познания] отдельно через более многочисленные и многие формы сами все виды могут постичь в себе, более высшие через [относительно] более мелкие, наивысшие через единую [форму], и само, которое есть сверх всего не через некую форму. В свою очередь, если древность знала, каким образом может продвинуться память, от многих родов памяти к одному виду многих памятных посредством продвижения себя: этому она не научила определенным образом.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ВОСЬМОЕ. Н.

Ведь к более близкому [более] верхнему более ближнее [более] нижнее, через некоторые ступени сжатым подобием продвигается; когда вдруг пройдет определенным образом через все ступени, уже не похожим будет, но всё же вместе с ним должно было быть выражено. Которое здраво таким образом пожалуй происходит, через сам учимся огонь, который воду не притягивает (т.е. отстоит от воды – *Л.Т.*), не похожую [на него] ничем, кроме теплоты и разреженности. Через общее, следовательно, подобие от теней проявляется восхождение к следам, от следов к зеркальным отображениям, от этих к другим.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДЕВЯТОЕ. I.

Т.к. ведь что есть подобно подобному, есть также подобно тому же посредством подобных, или через восхождение, или через нисхождение, или через распространение: поэтому оказывается, чтобы (в своих пределах) природа могла бы делать все из всего, и интеллект или разум мог бы познавать все из всего. Так как, говорю, материя всеми формами оформляется из всего, и пассивный (как его называют) интеллект всеми формами может формироваться из всего, и память всеми памятными из всех, т.к. все подобное из подобного возникает, все подобное в подобном содержится. В свою очередь, удаленное подобное к своему удаленному через подобное среднее и к себе ближайшее устремляется.

Поэтому форма растения не непосредственно голой материей облекается в форму этого живого [организма], но опосредующими формами сока, крови и семени. Поэтому тот, кто познает соответствующие средние предельных, и естественно и рационально все сможет из всего разузнать.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДЕСЯТОЕ. К.

Впрочем, то подобие, которое с равенством состязается, и единообразие (которое приравниванием называют) подпевает, в первостепенном чувстве других воздействий, [которые] или к внутренним, или к внешним обращаются чувствам, да будешь считать бесполезным и плохо пригодным. Дело ведь обстоит так, что от подобного жара действие и не одинаковое, и не менее из степеней того подобия состоящее различал бы [некто], но то, которое превосходит существующее в субъекте чувств. Поэтому, какое направлять к практике ты должен сходство, предусматривай, чтобы не отвергалось найденное добивающимися, дабы могли бы приступить.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ. L.

Обдумай, что этот телесный мир не мог бы быть красивым, если его части были бы всецело подобными. Следовательно, красота проявляется в соединении разнообразных частей и в самом разнообразии целого красота состоит. Поэтому образ вещи, находящейся в тени есть наиболее несовершеннейший из образов, т.к. в то время как образ с разнообразием демонстрирует вещи, тень то, что есть ниже границ внешнего облика, поскольку они по большей части также воображаемые, почти без разнообразия производит. О тени я, пожалуй,

скажу, что коль скоро она есть тень, [она является] также не настолько такой, какую мы представляем в замысле.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ. М.

Однако Анаксагором Хаос есть разнообразие без порядка. Поскольку, итак, в самом разнообразии вещей поразительный различаем порядок, который, высших с низшими и низших с высшими делая соединение, в наикрасивейший единого великого животного (каков есть мир) облик все части вместе согласовываться заставляет, потому что такое разнообразие такой порядок и такой порядок такое разнообразие требует. Никакой ведь порядок не обнаруживается там, где нет никакого разнообразия. Поэтому первый принцип и не упорядоченный и не в порядке нельзя постичь.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ. N.

Несомненно, что если каким-либо образом нерасторжимое согласие пределы первых соединяет с началами вторых, и окончание тех, которые предшествуют началам тех, которые идут следом, к той золотой цепи, которая происходит из неба вплоть до земли протянутая, прикоснуться ты будешь в силах: так же, как с неба через тебя может быть совершено нисхождение, легко и на небо через определенное восхождение ты будешь в силах вернуться. Через это искусное соединение мы можем испытать великое облегчение памяти, которая же напротив, не в силах также представить сама упорядоченным запоминанием какую-либо последовательность памяти. Это [соединение] демонстрируется в следующей песне, где когда понимается, Овен преследует Быка, и это движение другим родом действия преследует Близнецов, и затем побужденные и другим последующим движением, пожалуй, перемещаются в Рака, и аналогично по порядку в другие: чтобы произошло так, что из непосредственного усмотрения одного и другого, позже мы получили бы скопление последовательного.

Вождь стада (Овен. – *Л.Т.*) подятый во гнев

И в двойственные копыта царя стада с яростью на лице поражает.

Затем Телец, каратель, лишенный ума, приблизившись,

Устремляется на братьев Близнецов нетерпеливым ударом.

Единокровных юношей тотчас волны

Поглощают. Рак на росистые луга устремляется.

Ползущий боком влаг питомец Рак,

[На] морду мохнатого Льва случайно попадает.

Оттуда возбужденный Лев поднимается в длинногривых плечах,

Где нерешительная Дева замечена стремительным зверем.

К ней устремляется: та бежит, обезумев от стремительного движения,

Устремляется к мужу, держащему персидскую чашу весов.

Пылает он, но пока страстными объятиями [она] к нему льнет,

Извивающегося Червя (Скорпиона. – *Л.Т.*) изогнутое жало [ее] поражает.

Страшась гибели, пока прибегает к медицинским искусствам,

Чувствует, что сзади подошел муж Стрелец.

Который, пораженный тем, что только что была обещана дева, которой [в этом] верит,

Поэтому дротиком нападает на этого Козерога, и вот – раны.

Поскольку первый удар меча несправедливо поражающий ясно чувствует,

Убегает, низвергающийся, в быстрые воды:

Так неудачливый козел, из пучины вод извлеченный,

В качестве непривычной еды подается в окружении Рыб.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. О.

Восхождение же, которое происходит через соединенные и сопряженные, в замысле идеальных теней не происходит через неизменную цепь с подобными звеньями, которая постигается разумом из ближайших сказанных, и которые также последовательно должны выражаться. И звеном не этой цепи должна быть тень, под которой, постигается, спит Левиафан: не говорю тень, отводящая от света, но приводящая к свету, которая даже если и не есть истина, есть, однако, от истины и к истине, и поэтому да не подумаешь, что в ней самой есть ошибка, но сокрытие истины.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ. Р.

Итак, смешивая значение теней через скрытую одноименность, да не станешь вовсе жертвой того рода глупости, чтобы без разбора о тенях считать, постигать и решать; противопоставляется ведь та, которую скрывают другие тени (о которой говорится: «скрывают тени тень этого») той, которая возносится над высотой тел на общей границе познаний, о которой говорится: «покрыла горы тень этого», от которой эти, которые производят в нас познание и память, выводятся и проистекают, и в которой в конце концов восходящие к свету завершаются. Эту, или этой имеют подобно оформленную, [те,] которые называются каббалистами, потому что покров, который был символически или образно в облике Моисея, с прикрасами же в лице закона, не был для обмана, но для глаз людей правильного продвижения, в которых случается повреждение, если внезапно от теней к свету обращаются. И ведь природа претерпевает не непосредственное продвижение от одного края к другому, но при посредстве теней, призрачным светом и постепенно. Естественную силу видения погубили некоторые, от теней выходя к внезапному свету; так не следует, чтобы овладевали исследованным объектом. Тень, итак, подготавливает зрение к свету, через тень высшая божественная мудрость омраченному глазу алчущей и жаждущей души образы-вестники вещей смягчает и доставляет. Итак, эти тени, которые не гасят, но охраняют и берегут свет в нас, и те, через которые к интеллекту и памяти продвигаемся и подводимся, познай.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ. Q.

В своей манере сказал теолог: «если не поверите, не постигнете»: и в своей манере доказывают философы, что из этих выдвинутых и признанных, которые считаются достоверностью, (которая достоверность у пифагорейцев была из недоказанных, у перипатетиков из недоказуемых, у платоников из обоих) науки должны быть отысканы; и от этих, которые сохраняют в добродетели и корне и некотором приложении, к раскрытию форм и через природный и рациональный путь нам должно продвигаться. Природа дает скрытые образы, прежде чем передаст их же раскрытыми; подобным образом и Бог, так же и искусства, которые божественному и природному порядку сообразно достоинству неотступно следуют. Если же

кому кажется трудным заниматься при тенях, и подозревается в бессодержательности, если бы через них к свету не был бы очевиден доступ: то пусть знают, что такого недостатка в тенях нет, и знают также, что достаточно раскрывать или держать сокрытым то, что непокрытым ты не можешь получить.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ. R.

Из теней физических, существуют [тени] от деревьев и трав, которые обращают в бегство змей и охраняют более кротких животных, существуют и гибельные для них. Из теней же идеальных, если они поистине идеальны, хотя все обращается к интеллекту и к очищенному внутреннему чувству, есть те, которые, пожалуй, в большей степени подводят, если через них совершается восхождение, и не усыпляют под ними же.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ. S.

Не уснешь, если от рассмотренных физических теней к соразмерному рассмотрению идеальных теней продвинешься. Если от глаз наших удаленное тело к удаленному свету приближается, уменьшается его тень для наших глаз, но по мере того само тело больше от света удаляется, большая от него распространяется тень, и зрению большее препятствие доставляется.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ. T.

Благодаря большей интенсивности света и плотности тела тень более четкой производится; более выразительная, говорю, а также более оформленная отбрасывается, что оттого происходит, потому что в плотности и разреженности, непрерывности и дискретности тело изображается. И, поистине, таковое отображение благодаря телу демонстрируется.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ. V.

Тень за движением тела и света одновременно неотступно следует. Двигается тело? Двигается тень. Двигается свет? Тень движется. Двигаются оба? Тень движется. Вопреки физическим наблюдениям тот же субъект (субъект, говорю, движения) одновременно подвергается разным и противоположным движениям. Что же, не по необходимости ли за движением тела к свету следует тень, и за движением света к телу тень следует? Разве прекращается ли эта необходимость встречей обоих, когда по встречным направлениям будут двигаться? В свою очередь обрати [внимание], каким образом за движением света движется тень, словно убегая, за движением же тела словно следуя; откуда очевидно, что не вытекает противоречие, но согласованность в бегстве одного и неотступном следовании другого противоположного и противоречащего. Впрочем, каким образом было бы в этих и соразмерно в других, ты сам исследуй и обдумай: через нас ведь вещь, которой больше чем достаточно, открывается тем, которые к этим и другим дух обращают.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. X.

Да не ускользнет от тебя, наконец, сходство теней с идеями, то тени ведь, то и идеи не являются противоположными противоположных [идей или теней]. Через один вид познается в этом роде прекрасное и безобразное, подобающее и неподобающее, совершенное и несовершенное, благое и дурное. Дурное же, несовершенное и безобразное, собственных, которыми они бы постигались, идей не имеют; потому что все-таки говорится, что они постигаются и не являются непознаваемыми, а все, что ни постигается интеллектуально, постигается через идеи, познаются в чужом виде, а не в собственном, потому что его не существует. То же, что им собственно, есть несущее в сущем, или (чтобы выразиться яснее) недостаток в действии.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ. Y.

Если, пожалуй, ты назовешь тень проявлением (акциденцией. – Л.Т.) тела, от которого отбрасывается, рассматриваешь [ее] как проявления одного субъекта, от которого отходит и к которому приходит, или сообразно тому же виду, или тому же числу. Если захотел бы, чтоб она была проявлением того, на что она отбрасывается, сразу ты сделаешь проявление отделяющимся таким образом от одного субъекта, чтобы одинаковым образом по числу различные субъекты охватывало, как когда через движение света или лошади лошадиная тень, которая падала на камень, сейчас падает на дерево. Это против физического основания проявления, если только не перенесешь себя в Сциллу отрицая, что тень есть проявление. Далее, что говорим об идеальных тенях? Познай, что сами они не есть и не субстанции, и не проявления, но некоторые понятия субстанций и проявлений. Если кому было бы угодно назвать их проявлениями духа и разума, назвал бы неискусно: ведь они не являются ни свойствами, ни установлениями, ни способностями врожденными или возникающими, но теми установлениями, которыми и через которые некие свойства и способности производятся и существуют. Ибо правильно для наблюдающих, [что они] субстанции и проявление не разделяют, [то] они называются любым [названием] в общем смысле, поскольку [эти понятия] мы заменяем умеренно. Эта оговорка не мало способствует пониманию теней, которое должно иметь.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ. Z.

Тень не существует во времени, но в ее времени, не в месте, но в ее месте, не в движении, но в ее движении. Сходным образом о противоположных [вещах] должно думать. Отделяется, следовательно, от всякой истины, но не есть без нее, и не возвращает никчемных к ней (если тень является идеальной), содержать ведь заставляет противоположное и различное, т.к. есть единое. Тени ведь ничто не противоположно, решительно, ни сумерки, ни свет. К тени, следовательно, древа знания, прибежал человек ради познания сумерек и света, истины и лжи, благого и дурного, когда спросил у него Бог: «Адам, где ты?».

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

То также не должно упустить, что не рассматривалось, что одно покрытое тенью тело двум или многим светилам противоположное, две или многие отбрасывает тени. Познай же, каким образом и властью чего тень может следовать за телом, а каким образом и властью чего может за светом следовать, и рассмотри, каким образом производит множественную тень от одного тела множественный свет, бесчисленные светы [производят] бесчисленные тени, хотя они бы и не являлись чувственно. Следует, следовательно, с одной стороны, за светом тень, хотя и кажется, с другой стороны, что он бежит за ней.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Да не ускользнет от тебя, что насколько тень убегает от света, настолько она лжет в отношении размера тела и лишь на определенном единственном расстоянии, месте и расположении сообразно длине или ширине, равной телу, от противолежащего света производится тень настолько, чтобы за самим светом ничто не казалось бы, что бежит больше, чем размер тела, который входит через тень. Солнце, разумеется, в некоторых местах никогда не дает тень равную телу, в других же реже на небольшое время.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

Если величина темного тела превосходит величину тела, источающего свет, [то оно] производит конус тени в теле, основание же отбрасывает на бесконечное или беспредельное расстояние. Если же величина источника света величину темного тела превосходит, то производит основание тени в теле, конус же ограничит в его отбрасывании вне самого тела на

такое и такое расстояние, на какое величина тела-источника света сверх величины темного тела получила соответствующую причину. Отсюда тень, которую освещенное тело луны производило бы от земли в противоположную часть (при условии, что солнце отсутствовало бы в нижнем полушарии) имела бы для конуса определенную границу земли, основание же его вне земли словно растущее в бесконечность не было бы определенным. Тень же, которую тело солнца производит от земли, имеет определенные границы земли для основания, конус же сферы самого Меркурия не достигает. Теперь сходное суждение об идеях и тенях их да сделаешь.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

Откуда заметить, каким образом от света и сумерек (сумерки ведь плотностью тела я называю) рождается тень, которой отец есть свет, тень мать, и не присутствует при отсутствии как той, так и того, а также так следует за светом, чтобы от него же самого бежать, словно стыдится сам образ матери представлять отцу, чтобы стыдом по крайней мере царственный род засвидетельствовать, подобно славным родам, которые благородство самим положением выказывать не могут, положение самим стыдом достаточно демонстрируют. Отсюда при возрастании света утончается, та, которая при сокращении его распространяется, и когда он же охватывает все тело, убегает.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ.

Так как из стрелки, установленной перпендикулярно на ровном месте между северным полюсом и глазом из отображаемой тени получаем меридианную линию, и непогрешимо многие другие различия времен, которая (стрелка. – *Л.Т.*) в ночном круговращении полярных звезд при различиях частей колесика, которые (части. – *Л.Т.*) та (стрелка. – *Л.Т.*) относительно кругового движения натянутой линией через числа демонстрирует; не менее и идеальные тени через физические тела до бесчисленных идей смогут для тебя обозначить свойства и различия вещей.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

И как солнце вводит шесть основных различий теней: одно восходя, всякий раз, когда отбрасывает тень тела к западу, другое садясь, всякий раз, когда простирает ее к востоку, и полуденное одно в южной широте по направлению к северу, другое – в широте севера по направлению к югу, другое если нулевую широту принимает, когда из пояса (как говорят) неба, простирая перпендикулярные лучи по направлению к своему надиру производит тень земли, от самого же [солнца], лежащего напротив другого полушария к зениту отбросит тень, которая должна быть уменьшена самим продвижением [солнца]: так, когда мы находимся на горизонте природы и в ее же уравновешенной и ровной сфере под равноощностью чувства, или под равенством рассудка, шесть под вечными идеями образуются отличий теней, из которых всевозможное обращение к свету могли бы получить.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ ТРИДЦАТОЕ.

Безусловно, чтобы ты постиг, что все различия теней к шести основным, в конечном итоге, относятся, ты не менее должен знать, что все, в конечном итоге, к одному наиплодороднейшему [различию], и наиболее общему источнику других должны, пожалуй, возвращаться. В нашем предположении, говорю, одно [различие] может быть тенью всех идей, прибавлением, вычитанием и в общем названными изменением, все другие [различия] вызывает, объявляет и представляет, которые получают в самих себе изменяющие, перемещающие и всеобщим образом различающие [субъекты], подобно тому, как в искусстве материально через субстанциальное подлежащее, формально же через добавочное [подлежащее]. Аналогию ведь (в самом деле) некую допускают метафизика, физика и логика, или сверхприродное, природное и рациональное, но как образ и тень. Впрочем, идея в

божественном уме существует сразу всей совокупностью действия, единой, в интеллигенциях идеи существуют отдельными действиями, в небе в деятельной силе множественной и последовательно, в природе через образ следа, как через впечатление в замысле и разуме через образ тени.

Помогает пример единой идеи, производящей посредством действия бесконечные различия вещей, и единой тени в способности бесконечных различий. Лежащая линия АВ встречается линию CD перпендикулярно падающую, которая составляет два прямых угла. Итак, если падающая линия отклоняется в сторону В, дает угол острый из одной части, из другой же тупой; более и более наклоняясь к Е, F, G, H, I, K и таким образом соответственно более тупые и острые больше отсюда и оттуда даст углы.

Так очевидно, каким образом в способности тех двух прямых линий могут возникнуть бесконечные различия острых и тупых углов. По первой причине эта способность не отличается от действия, которая и в которой, всякое, что может быть, есть, поскольку есть и может определяться в ней. Следовательно, в самом D бесконечные и одновременно уникальные существуют различия углов. В небесном двигателе [же способность] существует в действенной возможности, словно в руке, которая может двигать в точки Е, F, G и прочие бесчисленные, однако не двигает; в небе [же она существует] как в смешанном [небе] из деятельного и пассивного, подобно как в линии CD, которая может двигаться к произведению угла этого и того; сообразно, разумеется, многим основаниям небо постигается перипатетиками, как имеющее действие, смешанное с возможностью. В двигательных последующих и в материи [способность] существует в пассивной возможности, обозначенной как D, потому что получает бесчисленные различия острого и тупого через образ бытия в материи и в производящем и через образ причастный как действию, так и возможности, как очевидно. То, о чем мы сказали, относительно различий углов, отнеси к различиям видов, которые, как говорят, существуют словно числа. Отсюда во всех и через все что угодно может быть образовано, это очевидно.

О ТРИДЦАТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТЕНЕЙ

Уже к тридцати представлениям теней сначала просто, затем вместе с замыслами идей сложно с теми, которые должны быть постигнуты, да проследуем.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ А.

Несущих свет (говорит Плотин) на лице Бог сделал глазами и другим чувствам доставил органы, чтобы вследствие этого в соответствии с природой то были бы наблюдаемы, то также сродственным светом нечто собирали бы. Этими словами он ясно показывает, что есть некое основополагающее (т.е. свет. – Л.Т.), которое от постигаемого мира самих [чувств] да достигнет.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ В.

Не следует думать, что сей мир имеет многие принципы и через следствие многие порядки [движения] имеет, помимо одного. И, следовательно, если единое упорядочено, одни части его с другими частями связаны и подчинены, так что более высшие, сообразно более истинному существуют, застывают в обширную массу и во множественном числе по направлению к материи распространяют себя, откуда от того, что есть само по себе в высшей степени сущее, к тому, что имеет наименьшее от сущего и отнюдь не случайно называется почти ничто, происходит приближение. Каковой порядок с его уровнями, который умом может быть постигнут, великого мира создает другое подобие, в соответствии с той природой, какую имеет в себе самом. Поэтому словно действуя через с природу, без трудности пронизывает миры.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ С.

Т.к. относительно тех, которые всегда возникают, нет обсуждения и доказательства, если нечто, что было продемонстрировано, что оно всегда делает то же самое, действие доказательства отвергается по этой причине, отвергается и обсуждение, но поскольку некоей формой, само себя (подобие. – Л.Т.) выражающей наружу словно естественно или до некоторой степени вследствие своей распространяющейся и изливающейся природы, совершает свои дела. Подобия которой действующей [природы] ближе достигает, ибо также насколько возможно в высшей степени и наиболее часто действует. Произойдет же, чтобы меньше и в наименьшей степени мало размышляющий и понимающий к совершенному и превосходному действию продвинулся. Который, следовательно, находясь в месте от времени и от места освободит основания идей, божественными сущностями в своих делах обретет форму, или пусть достигнут интеллекта или стремления желаний. Пожалуй, это делал тот, который сказал: «Пребывая в плоти, не по плоти мы живем».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ D.

Что, если возможно есть и истинно, рассудочную душу поистине установленную и закрепленную и существующую телу позволено воспринимать, но поистине как помогающую и руководящую, так чтобы совершенный и идеальный от тела отдельно обнаружить можно было бы вид. С которым суждением (без противоречия) тот богослов соглашается в высшей степени, который более совершенному ту (душу. – Л.Т.) именем внутреннего человека назвал. Ибо, если для подтверждения этого, действия без тела для нее возможные хочешь найти: и вот в верном месте и времени не соединяется со скудными идеями, всякий раз когда умом или душой свободный человек материю покидает и время.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЯТОЕ E.

Имеет душа субстанцию так находящуюся по отношению к высшим умов, как прозрачное тело к источникам света (как и главные из неоплатоников постигли), что сообразно прозрачности и своей транспарентности, как если бы имела естественную освещенность, пропускает все, которая всегда есть в действии, всякий раз, когда, освобожденная из тела, населяет будто бы область света. В теле же (в самом деле) обитающая словно хрусталь, чья прозрачность ограничивается затененностью, имеет неустойчивые чувственные образы, которые через обращение и отращение сообразно различиям времен и мест приходят и уходят.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ F.

Формы вещей существуют в идеях, существуют некоторым образом в себе самих, существуют в небе, существуют на периферии неба, существуют в предшествующих семенных причинах, существуют в причинах последующих производящих, существуют индивидуально в проявлении, существуют в свете, существуют во внешнем чувстве, существуют во внутреннем своим образом.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ G.

Потому материя не переполняется восприятием форм (как утверждают, через вечное желание новых [форм]), потому что и не истинно получает, и не истинно отдает, что, как кажется, отдает. Ведь которые сами являются чувственными и индивидуальными, не существуют истинно, как утверждает тот, который эти, во-первых, в изначальном смысле, и по преимуществу называет субстанциями. Которые же истинно существуют, всегда пребывают: которые, напротив, подвержены происхождению и упадку, как говорят, существуют не истинно. Что не только более правильно философствующим нравится, но и как слышим, что иные из теологов называют внешнего человека, под этим естественным условием, призрачностью, иные же утверждают, что все, которые возникают под солнцем, то есть

которые населяют область материи, подпадают под всеобщий знак призрачности. Итак, от идей душа пусть исследует утверждение концепций, если понимает.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ Н.

Идею первым человеком, душу вторым, третьего же, словно уже не человеком назвал Плотин, там, где об основании множества идей высказал. Зависит второй от первого, третий от второго, когда через упорядочивание, собирание и соположение упорядочивается к физической сущности. Итак, для метафизического представления третий восходит во второй, второй в первый.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ I.

Одно и то же пребывающее и вечное совпадают. Одно и то же ведь, поскольку оно является тем же, пребывает и является вечным. Вечное, потому что оно является вечным, пребывает и является тем же. Пребывающее, поскольку оно пребывающее, является тем же и есть вечное. Итак, да устремись к самому тому же, к чему надлежит, или к тому, что имеет основание тождественности, чтобы обладал [им] вечно и неколебимо. Если ты это постигнешь, будешь иметь голову, чтобы таким образом ты сделал в душе закрепление видов.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ К.

Это утверждение достаточно достойно, чтобы острие ума было бы в нем укреплено. Первый ум, Амфитрита света, так свет свой изливает из внутренних ко внешним и из конечных собирает, чтобы что угодно от него сообразно вместимости могло бы все собирать, и что угодно к нему сообразно способности по пути самого света могло бы устремляться. Это, пожалуй, есть то, что некто постиг, сказав: "Достигает из конца в конец" и другой, сказав: "Нет того, кто себя отрезал бы от его света". Здесь под светом я понимаю свет как постижимость вещей, которые происходят от него и к нему стремятся, и то, что сопутствует постижимости. Эти вещи, всякий раз, когда проистекают, одни от других, различные от различных, в бесчисленное умножаются, чтобы разве лишь только тот, кто пересчитывает множество звезд, мог бы их определить; всякий раз же, когда текут назад, объединяются вплоть до самого единства, которое есть источник всех единств.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ L.

Первый ум своим плодородием, своим образом распространяет идеи не новые и не ново. Природа новые вещи производит в числе, не ново, но в своем роде, если всегда тем же образом действует. Разум новые, а также вновь до бесконечности виды образует: сочетая, разделяя, отвлекая, собирая, добавляя, отнимая, упорядочивая, разупорядочивая.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ M.

Бесформенных животных красивые формы существуют на небе, металлов в себе не светящихся формы светятся на планетах своих. Не человек же, и не животные, и не металлы здесь существуют, как существуют там. Что же здесь распадается, там полно жизни благодаря действию высшего противодвижения. Добродетели же, которые распространяются по направлению к материи, по направлению к первому действию объединяются и складываются. Откуда очевидно, что говорят платоники: еще не всякая идея живых вещей есть жизнь, равным образом и некая способность познания в первом уме является единой идеей всех вещей. Итак, ты возвысишься в собирание и удержание видов, образуя себя высшими действующими в отношении того, что существует посредством освещения, оживления и объединения.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ N.

Содержит свет, жизнь, способность познания и первое единство все виды, совершенства, истины, числа и иерархию вещей, в то время как те, которые в природе суть разные, противоположные и различные, в нем суть такие же, согласовывающиеся и суть единое. Итак, если бы ты смог своими силами постигнутое соотнести, согласовать и объединить с воспринятыми видами, и не утомишь врожденную способность, не приведешь в замешательство ум и не расстроишь память.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ O.

Когда придешь к заключению, согласно которому будешь образовываться телесным небом, которое низших животных также ничтожных, не ничтожным заключением, содержит формы, не утверждай стопу, но опирайся на подобие интеллектуального неба, которое всего мира формами обладает, более явленным образом, чем небесным.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ P.

Тогда ты узнаешь и испытаешь, что поистине совершаешь такое ведь продвижение, когда от беспорядочного множества, к определенному единству через тебя совершится приближение; это ведь не есть накопление посредством универсальной логики тех, которые из определенных нижних видов неясные средние, и из этих более неясные высшие стараются получить, но приобщение себе словно из бесформенных и многих частей всего оформленного и единого. Подобно тому, как кисть соединена с предплечьем, и ступня с голенью и глаз с лицом, когда соположены вместе, подвергаются большему познанию, чем помещенные отдельно: так, когда из частей вселенной и видов ничто не помещено отдельно и не исключено из порядка (который простейший, совершеннейший и по ту сторону числа есть в первом уме) если одни виды посредством соединения с другими и сообразно принципу посредством объединения постигаем, существует ли что-то, что мы не можем постичь, запомнить и сделать?

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ Q.

Единое есть то, что все ограничивает, единый есть отблеск красоты во всем, единое сияние блистает множеством видов. Если догадаешься о нем, таковое между глазами своими и всеобщим образом допустишь сделать видимым, чтобы ничего не было, что вообще могло бы от тебя убежать.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ R.

Ошибка случается с нами и забывчивость, потому что рядом с нами из формы и бесформенного сильно сочетание. Оформление телесного мира, разумеется, есть нижняя форма, составляется ведь из отпечатка и бесформенности его. Итак, туда восходи, где виды чисты, нет ничего бесформенного и все оформленное есть сама форма.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ S.

Заметил глава платоников Плотин: «До каких пор вокруг внешнего вида, поскольку он явлен глазам, кто живет пристальным глядением, еще не захватывается любовью; но где, во-первых, дух себя от него удерживает, внешний вид в себе самом воспринимает, не разделенный и сверхвидимый, сразу же возникает любовь». Одинаковое суждение о интеллектуальных объектах, увы, которое также есть о желанных. Итак, отсюда исследуй и созерцай, каким образом виды быстрее, долговечнее и крепче воспринимаются.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ Т.

Из семи ступеней (к которым мы добавляем две) Плотин постиг, что состоит лестница, посредством которой осуществляется восхождение к первоисточнику. Из которых первая ступень есть очищение души, вторая внимание, третья намерение, четвертая – созерцание порядка, пятая – соответствующее сравнение из порядка, шестая – отрицание, или разделение, седьмая – обет, восьмая – изменение себя в вещь, девятая – изменение вещи в саму себя. Так от теней к идеям будет очевидным приближение, доступ и вхождение.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ V.

Все, что есть после единого по необходимости есть множественное и многочисленное. Итак, помимо единого и первого все есть число. Откуда под нижней ступенью лестницы природы есть бесконечное число, или материя, в высшей [ступени] же бесконечное единство и чистый акт. Нисхождение, следовательно, рассеяние и распространение было бы по направлению к материи, восхождение, собирание и определение, пожалуй, происходит по направлению к действию.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ X.

Через числа (говорят некоторые) сущие находятся по отношению к тому, что истинно есть, или есть истинное бытие, также, как материя через начало форм находится по отношению к формам.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ Y.

Рассмотри форму в качестве четверной. Из которых первая есть та, вследствие которой случается, что сама вещь оформляется, поскольку она производит действие и ее мы называем не в подлинном смысле идеей, или формой вещей, которые должны быть произведены; вторая, благодаря которой сама вещь оформляется словно частью, и этой форме не соответствует, что подобие называется подобием той формы, которой оно есть часть; третья, которая нечто ограничивает и придает образ, словно присущее свойство, и так не может получить основание идеи, потому что от того, чего есть форма, не отделена; четвертая, для которой нечто оформляется и которую нечто изображает, и она в употреблении говорящих обычно сохраняет имя идеи, и она называется четырехчастной: в самих искусственных перед искусственно сделанными, в первых замысленных прежде вторых, в началах природы прежде природных, в божественном уме прежде природы и всеобщего. В первых называется техникой, во вторых логикой, в третьих физикой, в четвертых метафизикой.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ Z.

Некоторые формы изображают словно сообразно природе, вроде как образ в зеркале – форму противоположащей вещи; некоторые сообразно устройству, словно оттиснутый образ – печать; некоторые, наоборот, изображают словно через себя, как например картина, которая из замысла художника представляет некоторую [форму]; некоторые средним образом через акциденцию и через себя, как если бы возникла картина для представления, которую может предъявить; некоторые же словно случайно случилось, как например когда случается изображенный образ помимо замысла изображать какой-либо; некоторые и не через себя и не через привходящее, которые ни к чему, что должно быть изображено совершенно не относятся и не могут относиться, если возможно, чтобы такие формы существовали. В первых есть основание более идеальное, во вторых менее, в третьих наименьшее, в четвертых отсутствует.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Действующее по природе или по случаю, а не по предписанию желания, не предполагает идей. Если бы таковое было бы первым производящим, не было бы никаких идей, и ничто действующее по свободе воли не совершалось бы. Впрочем, да здравствуют Демокрит, Эмпедокл и Эпикур. Если обладаешь невозможным, чтобы порядок действующего от какой бы то ни было причины разделялся бы, и это само более трудное для всех ты исследуешь, и если не все возможное ты получишь, то большую часть.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Говорит один из наших: форма прообраза имеет порядок цели и, действуя, от него получает форму, через которую делает то, что возникает вне самого [образца]. Ведь нет же согласного считать, что Бог действует вследствие цели иной по отношению к себе, или получает из другого источника, который был бы достаточным для действия: поэтому не имеет идей вне себя. Необходимо, чтобы мы искали их вне и сверх нас, когда бы лишь мы имели тени этих в нас.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

Через образ, который существует в уме, лучше нечто постигается, чем через образ, который есть в природном подлежащем, потому что он есть более нематериальный. Равным образом лучше познается нечто через вид вещи, который есть в божественном уме, чем может быть познано через саму ее сущность. Два требуются для образа, который есть средство познания: представление познанной вещи, которое находится сообразно близости к постигаемому и духовному бытию, и сообразно нематериальному, которое имеет бытие в постигающем.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

Подобно тому как идеи являются изначальными формами вещей, сообразно которым образуется все, что возникает и погибает, и не только, пожалуй, имеет поддержку тому, что создается и разрушается, но также к тому, что может создаваться и погибать: так тогда справедливо, что в нас тени идей сформировали, когда такую допускают способность и осязаемость, чтобы были ко всем возможным образованиям соответственными. Мы подобием некоторым сформировали те, которые состоят в круговороте колес. Ты, если другую дорогу можешь нащупать, нащупай.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ.

Идеи привходящих признаков не установил Платон, хотя, разумеется, постиг, что они являются ближайшими причинами вещей, откуда кроме идеи есть ближайшая причина вещи, то не хотел бы иметь идею, по той причине в тех, которые называются благодаря первому и последующему, не захотел быть общей идеей, но сначала быть идеей второго. Откуда Клемент философ хотел, чтобы в сущих были высшие идеи низших.

Теологи, которые постигают, что Бог есть непосредственная причина одной и каждой вещи, хотят, чтобы идеи акциденций были, хотя не исключают вторых богов и причины. И мы в замысле по той причине хотим, чтобы идеи были [идеями] всех, потому что от всех постигаемых к тем же восходим. Относительно всех ведь мы формируем идеальные тени. И не по этой причине опровергаем платоническое учение, чтобы было ясно постигающему.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

Идеи единичных не рассматривал Платон, но только видов, с одной стороны, потому что идеи способствуют только к производству форм, а не материи, с другой, также потому что изначально простираются через природу формы, а не роды и индивиды.

Теологи рассматривают идеи единичных, потому что и сколько к материи и сколько к форме относится, признают, что всеобщая причина есть Бог. И мы в замысле идеи единичных утверждаем, потому что принимаем основание идейного находящимся в соответствии со всеобщим оформленного и подобием постигнутого, есть ли оно до вещи, или в вещи, или вещь, или после вещи, а также так или в чувстве, или в рассудке, и в нем в актуальном, или в умоглядном.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРИДЦАТОЕ.

Некоторые помещают идеи менее общие произведенными в идеях более общих и, наконец, объединяют роды всех идей в самом первом бытии, которое называют первым постигаемым. Ты тени идей менее общие в более общих, и внешние менее общие, подчиненные им, в более общих помни, [что нужно] помещать.

О СВЯЗИ, КОТОРАЯ ВОЗНИКАЕТ ОТ СОЕДИНЕНИЯ ПЕРВОГО КОЛЕСА СО ВТОРЫМ.

Итак, будет необходимо, чтобы желающий через себя самого уловить искусство, общее для особенности рассудка, желания и памяти (пусть в нее для восприятий памяти присутствующих соберем), был искусным в том, чтобы, во-первых, выводить первое из первоначальных, при посредстве их знаков, во-вторых второе, в-третьих, второе через первое. Первые два, которые наилучшим образом являются доступными опытным в перипатетических и платонических учениях, мы явили. Третье мы вверяем усердию самого [практикующего искусства].

И вот к применению и собиранию всеобщего стремления к искусству памяти приступаем.

Список использованной литературы

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. — М.: Мысль, 2000 — 2001.
2. Йейтс Фрэнсис. Джордано Бруно и герметическая традиция. Перевод Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
3. Йейтс Фрэнсис. Искусство памяти. Перевел Е. Малышкин. СПб.: Университетская книга, 1997.
4. De Umbris Idearum: On the Shadows of Ideas. 2013. by Giordano Bruno (Author), Scott Gosnell (Translator).
5. Jordanus Bruno Nalanus. De umbris idearum. Editio nova. Curavit Salvator Tugini. Berolini 1868. Apud E.S. Mittlerum & filium, bibliopolas curiae regalis.
6. F. Yates. Giordano Bruno and the hermetic tradition. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1964.
7. F. Yates. The Art of Memory. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966.